

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ХЛЫНИНА Татьяна Павловна

АДЫГЕЯ В СИСТЕМЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. 1920-1924 ГГ.

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 1993

Диссертация выполнена в Группе по истории национальных отношений и межэтнических контактов Института российской истории Российской Академии наук.

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор БУГАЙ Н.Ф.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор КАЛИНИНА К.В.,
кандидат исторических наук,
доцент БАРСЕНКОВ А.С.

Ведущее учреждение: Университет "Дружбы народов"
им. П.Думумбы.

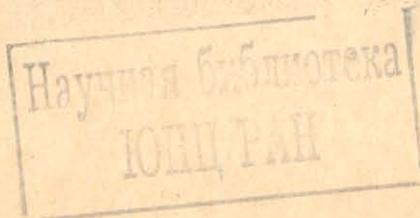
Защита состоится "16" сентября 1993 г. в час. 10
на заседании специализированного совета Д.002.33.01 (по
истории советского общества) по защите диссертаций на со-
искание ученой степени доктора исторических наук при Ин-
ституте российской истории Российской Академии наук по адре-
су: 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Института российской истории РАН.

Автореферат разослан "16" сентября 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат исторических наук

(А.А.Овсянников)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сложность и неоднозначность современного этапа общественных преобразований, деформированное восприятие прожитого настойчиво диктуют необходимость концептуального переосмысления прошлого.

Выдвинутые в число важнейших, основополагающих факторов по обеспечению нормального функционирования общественной системы переходного типа и локализации деструктивной направленности "созидающей энергии" элементов нового, национальные отношения из благополучного факта достижений советской историографии постепенно трансформировались в дестабилизирующий компонент некогда единого государственного целого. Длительный гипноз смеломыслящих успехов народов, шагнувших чуть ли не из первобытной дикости к "развитому" социализму, полное, окончательное и бесповоротное решение национального вопроса в том его содержании, в каком он достался нам от дореволюционного прошлого, социально-экономические показатели как практически единственный критерий прогресса наций и целый ряд других теоретических штампов, ставших безжизненной символической эпохой, во многом способствовали необоснованной абсолютизации достигнутых успехов в решении национального вопроса и утвердившегося представления о бесконфликтности национальных отношений при социализме.

В результате ряд аспектов национальных отношений и национально-государственного строительства, в частности моменты социо-культурного взаимодействия народов, демографической структуры, объективных и субъективных предпосылок возникновения национальных движений, проблема реальности или надуманности существования угрозы национальной самостоятельности, изучение политизированной этничности, роли государства в воспроизводстве этносов, — нуждаются в новом теоретическом осмыслении и научно-практической разработке. Теоретический схематизм понятийного аппарата, имеющих обширный философско-историко-этнологический ареал смыслового варьирования и разнохарактерность подходов к изучению и

прогнозированию этнических процессов в рамках разноуровневных государственных образований требуют интеграции усилий целого комплекса научных дисциплин и одновременного разграничения объектов изучения "национально-государственного": этноса, государства, экономики.

Объектом исследования избраны процессы поиска и оформления организационных структур традиционного общества на примере ретроспективного осмысления аналогичных процессов 20-х годов у этнодисперсной группы горских народов одной из частей наиболее многонационального и поликонфессионального Северо-Кавказского региона - Адыгеи.

Обозначенные хронологические рамки - 1920-1924 гг. - представляют собой весьма насыщенный, динамичный период поиска и выработки форм местного самоуправления и механизмов взаимодействия как по региону в целом, так и у адыгских народов Кубанской области. Формально завершившийся постановлением Президиума ВЦИК от 27 июля 1922 года провозглашением автономии адыгского народа данный процесс поиска оптимального административно-территориального устройства реально "затянулся" до конца 1924 г. и совпал с окончанием экономического районирования Северо-Кавказского края (Юго-Восточной области), окончательно регламентировавшего положение автономных образований, их территориальный статус. Однако изучение опыта вызванных к жизни, и зачастую предвосхитивших желание народов, вышестоящими инстанциями органов национального самоуправления потребовало анализа правовой обеспеченности и практики национальной политики дореволюционного периода.

Степень изученности. В отечественной историографии накоплен определенный опыт освещения проблем и национально-государственного строительства у горских народов Северного Кавказа.

Процесс создания и функционирования органов национального самоуправления адыгских народов, путей и методов совершенствования организационных структур власти, механизмов взаимодействия с областными, республиканскими, краевыми уч-

реждениями, осмысление потенциала автономного статуса становятся зоной повышенного внимания уже в первые годы существования Черкесской (Адыгейской) автономной области¹. Несмотря на преобладание общей пропагандистской направленности преимуществ советской системы и инструктивно-методологический характер, работы этого периода остаются до сих пор наиболее полными и объективными по истории создания и деятельности первых центральных органов самоуправления адыгского народа и являются библиографической редкостью.

30-е годы "продолжили" литературно-партийную традицию освещения достижений Советской власти в области национальной политики. Исследования данного этапа в основном сконцентрировали внимание на рассмотрении социально-экономических проблем, достижений в культурном строительстве среди горских народов области². Постепенно тенденция аналитико-объективного освещения событий, характерная для литературы предыдущего десятилетия, начинает уступать место информационной констатации фактов с явно выраженным идеологизированным подходом.

Специальным объектом исследования становятся в эти годы и вопросы административно-территориального устройства и преобразований края. Носящие разнообразный как аналитико-рекомендательный, справочный, так и исследовательский ха-

1 Алкев У. Адыгея (Адыгейская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на/Д., 1927; Он же. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. Ростов-на/Д., 1926; Он же. Достижения Советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики. Ростов-на-Д., 1927; Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Краснодар, 1927.

2 Петров В.Т. Социалистическое строительство в национальных областях Северного Кавказа. Ростов-на-Д., 1930; Константинов О.А. Северный Кавказ. М.-Д., 1930; Итоги и перспективы социалистического строительства Адыгейской автономной области. Краснодар, 1931.

рактер, работы указанного направления внесли значительный вклад в изучение общей направленности и конкретики реализации форм и методов регионального и областного административно-хозяйственного и территориального устройства¹.

Организационно-правовые аспекты решения национального вопроса, конституционные и практические возможности автономии, ее места в общесоюзной структуре государственных объединений получили широкое освещение в трудах советских правоведов 20-х годов².

1. Материалы к вопросу о районировании Кавказа. Краснодар, 1923. Вып. I; Административное деление СССР. М., 1923. Т. I; Экономическое районирование Юго-Востока России. Ростов-на/Д., 1923. Вып. I; Хронин В.Н. Административное устройство и план предстоящего районирования Юго-Востока России. Ростов-на/Д., 1923; Население и хозяйство Кубано-Черноморской области // Статистический сборник. 1922-1923. Вып. I. Краснодар, 1924; Сулькевич С.И. Изменения в территориальном делении СССР за 7 лет. М., 1925; Северный Кавказ после районирования: Итоги и выводы. Ростов-на/Д., 1925. Тт. I, 2; Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год. М.-Л., 1926; Весь Северный Кавказ // Справочник по вопросам административно-экономического и культурного строительства края. Ростов-на/Д., 1931.
2. Архипов К. Типы советской автономии. (Из очерков по автономно-федеративному строительству Советских республик). // Власть Советов. 1923. № 8-9. С. 28-44; Он же. Советские автономные области и республики. М., 1925; Гурвич Г.С. Основы советской конституции. М.-Л., 1929; Магеровский Д.А. Союз Советских Социалистических Республик. (Обзор и материалы). М., 1923; Котларевский С.А. Обзор правовой деятельности органов РСФСР в области национальной и автономно-федеративной политики за 1921 год // Советское право. 1921. № I. С. 100-107; Турбуниер А.М. Государственный строй РСФСР. (Конспект лекций). М., 1923; Губини И.В. О племенной автономии // Жизнь националь-

Изучение правоведческой литературы указанного периода позволило выявить общеконцептуальную направленность законодательной регламентации существования национально-государственных формирований и их образования. Являясь в большинстве случаев, октроированными парадигмами центральной власти¹, национальные автономии призваны были олицетворять собой национальные формы советской власти и нуждались в постоянном материально-организационном и идеологическом обеспечении центра. К сожалению, в последующем, в отечественной правовой литературе проблема октроированности не получила дальнейшего исследования, а сам термин практически не употребляется.

Рубеж 40-50-х годов не отмечен, за редким исключением, появлением монографических исследований².

Систематичностью, детальной проработкой, постановкой узловых проблем и этапов оформления национальной государственности народов Северного Кавказа, деятельности низовых и верховных органов управления по осуществлению советского строительства и опытного хозяйственно-административного районирования, вычленением специфики и природы автономного образования озаменовался период 60-х - конца 80-х годов³.

ностей. 1923. № 2. С. 19-26; Плетнев Б.Д. Национальная проблема в России и методы ее разрешения. Ярославль, 1922.

1. Порожденными, - то есть инициатором создания и оформления различных вариантов национальной государственности выступал Центр.
2. Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии советской Адыгеи. 1922-1947 // Сборник статей. Майкоп, 1947; Трахо Р. Черкессы. Мюнхен, 1957.
3. Филькин В.И. Северно-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политики. 1917-1936. Грозный, 1969; Летифов А.Д. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе: в переходный период к социализму. Махачкала, 1972; Збзеева Э.А. Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. У., 1976;

Предпринятые исследования по обобщению опыта партийного руководства административным районированием Северного Кавказа¹ по источниковой обеспеченности, группе представленных документов являются весьма полной и объемной реконструкцией проблемы. К сожалению, хотя это и не входило в задачи исследователей, вопросы территориального преобразования области не стали предметом углубленного изучения.

Помимо сюжетного отражения в работах общерегионального характера, посвященных как теоретико-правовому обеспечению, так и практической реализации национальной политики в области, различные аспекты национально-государственного строительства стали объектами интенсивного самостоятельного изучения².

Исраилов А.К.-М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Махачкала, 1976 и т.д.

1. Летифов А.Л. Указ. соч., Нечипурнова Н.С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968; Она же. Руководство КПСС административным районированием СССР в 1921-1937 гг. На материалах Северного Кавказа. - Автореф. дисс... д-ра исторических наук. Ростов-на/Д., 1970.

2. На путях к социализму (на материалах Кубани и Адыгеи). Краснодар, 1966; Кубов Ч.Ч. Деятельность КПСС по решению национального вопроса в Адыгее, в период социалистического строительства. 1920-1937. - Дисс... канд. исторических наук. Киев, 1968; Октябрем озаренная Адыгея за 50 лет // Сборник статей. Майкоп, 1967; Таов М.А. Адыгейская автономная область - советское социалистическое национально-государственное образование // Ученые записки Адыгейского НИИ ЯЛИ. История. Т. IX. Майкоп, 1969; Джимов Б.М. Великий Октябрь и освобождение трудящихся Адыгеи от социального и национального гнета // Ученые записки Адыгейского НИИ ЯЛИ. История. Т. XV. Майкоп, 1972; Кубов Ч.Ч. Создание и укрепление советской государственности адыгского народа - воплощение в жизнь ленинской

Значительный интерес для исследования проблем практической реализации национальных форм советского строительства, выработки действенных вариантов административно-территориального устройства области с точки зрения опубликованного фактологического материала представляют работы Ч.Ч.Кубова, коллективная монография Н.Ф.Бугая, Б.М.Джимова и Д.Х.Мекулова¹.

Сюжетное отражение рассматриваемая проблема нашла и в обобщающих трудах по истории деятельности Краснодарской партийной организации и Адыгеи². Обширная источниковая база, материалы государственных, партийных краевых и областных архивов, периодической печати, - обстоятельность изложения хода событий несомненно позволяет высоко оценить данные работы. Однако традиционный методологический подход и нарративность исследования, унифицированная структура и заданность выводов, носящих ритуально-комментативный характер, не позволили выйти на уровень научной достоверности освещения начального периода строительства советской власти.

Обозначившиеся в литературе в конце 80 - начале 90-х годов стремление устранить "в определенной мере... проблемы неразработанности вопросов советского периода истории Адыгеи"³, обобщить и систематизировать имеющиеся документальные публикации⁴, внести уточнения и выявить количественные

национальной политики // Там же; Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Адыгеи. 1920-1921 // Сборник статей по истории Адыгеи. Вып. I. Майкоп, 1977; Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. От Ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп, 1989 и т.д.

1. Кубов Ч.Ч. Указ. соч.; Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. Указ. соч.; Мекулов Д.Х. Советы Адыгеи в социалистическом строительстве. 1922-1937. Майкоп, 1989.

2. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е, доп., исп. Краснодар, 1976; Очерки истории Адыгеи. Т. 2. Майкоп, 1981.

3. Адыгея. Историко-культурный очерк. Майкоп, 1989.

4. Аутлак П.У. Адыгея в летописи социализма. 1959-1987. Майкоп, 1988; Он же. Адыгея в летописи социализма. 1917-1958. Майкоп, 1990.

характеристики, публиковавшиеся в печати по вопросам советского строительства¹, к сожалению, в большинстве случаев, остаются перспективными пожеланиями².

Теоретико-методологическая оригинальность, сочетающая в подходах к реконструкции проблемы широкий арсенал разнообразных факторов, общий анализ истоков национализма и национальных движений³, выявленные механизмы стабильности советской национальной политики в прошлом, сравнительное изучение большевистской теории по национальному вопросу и государственно-партийной практики в советских национальных республиках и областях⁴, проведенное на основе уже опубликованных и известных в отечественной литературе источниках западных разработок способствовало уяснению общеконцептуальных причин краха многонациональной советской государственности и определению места национальных проблем в судьбе советской системы на различных этапах ее развития.

Определению нового видения различных аспектов обозначенной проблемы способствовали и публикации советских исследователей, посвященные ликвидации так называемых "белых пятен" отечественной истории, в частности вопросам осуществления советского строительства⁵.

- 1 Адигейский областной совет народных депутатов в цифрах. 1922-1987. Майкоп, 1990.
- 2 См. подробный обзор: Бугай Н.Ф., Кудкина М.М., Улынина Т.П. Национальные проблемы в историографии российских автономий. 1988-1990 // Северный Кавказ: национальные отношения (Историография, проблема). Майкоп, 1992. С. 6-43.
- 3 Pipes R. The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism. 1917-1923. Cambridge, 1969; Gallner E. Nations and nationalism. Oxford, 1983; Conquest R. The nation killers: the Soviet deportation of nationalities. Macmillan, 1970.
- 4 Борфа Д. История Советского Союза. М., 1990. Т. I, 2; Такер Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. 1879-1929. М., 1991; Карр Э. История Советской России. М., 1991. Т. I. Авторханов А. Империя Кремля. Минск, 1992.
- 5 На пути к социалистическому унитаризму. Из новых доку-

Проведенный историографический анализ свидетельствует, что, несмотря на постановку и разрешение определенного комплекса вопросов, связанных с реализацией советской национальной политики у адигских народов, введение в научный оборот огромного пласта эмпирического материала назрела необходимость не только обновленного концептуального подхода¹, но и источникового дополнения в описании процесса государственного строительства. Чрезмерная идеологизация и отсутствие комплексного исследования положения Адигей в структуре межнациональных отношений на Северном Кавказе выделяемого периода, весьма необоснованно разрываемого 1922 годом на два несвязанных самостоятельных этапа с автономной логикой развития, предопределили целью диссертационного исследования восполнение указанных пробелов путем рассмотрения первоочередных кардинальных вопросов:

- проведение сравнительного анализа моделей регулирования национальных отношений в рамках Российской империи и государственно-партийной практики советского режима на примере огосударствления адигских народов Кубанской области;

ментов по истории образования СССР // Отечественная история. 1922. № 4. С. 89-116; В.И. Ленин: "Вместе и наравне" // Урок дает история. М., 1989. С. 107-137; Ненаарков А.И. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история. 1992. № 2. С. 3-23; Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве. 9-12 июля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. Бугай Н.Ф. Советские в определении форм межнациональных отношений в РСФСР // Национальные отношения и национальные процессы в СССР: Вопросы истории. М., 1970. С. 7-36.

I Доктринальный характер предложенной модели образования национально-территориальных единиц, как правило, сводится к чрезмерной "государственной" экспансии национальных окраин при пассивно-закрепительной функции Центра, законодательно и организационно оформляющего желание народов.

- рассмотрение организационно-правовых аспектов процесса поэтапного оформления национальной государственности и функционирования низового управленческого аппарата;
- изучение роли центральных (областных, краевых, республиканских) органов в создании и упрочении автономного образования и механизмов взаимодействия народов в многоуровневой иерархии федеративного объединения;
- исследование форм административно-территориального устройства народов области и институализации многочисленных диаспор.

Источниковую базу диссертации составили опубликованные и архивные документы.

В числе основополагающих следует назвать законодательные акты Российской Федерации по вопросам национально-государственного и административно-территориального строительства, опубликованные как в специальных сборниках¹, так и в общих законодательных сводах².

Принципиальное значение при реконструкции большевистской модели национальной политики сыграли труды И.В. Сталина, как автора реализовавшегося варианта национально-государственного устройства, комплекс партийно-правительственной документации, фиксирующей концептуально-практические формы и методы решения национального вопроса.

При подготовке диссертации были изучены и использованы материалы сборников документов по установлению и упрочению Советской власти на Кубани и в Адыгее. Содержащийся в них значительный теоретический и фактический материал поз-

1. Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921; Советская политика по национальному вопросу в РСФСР // Систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР. Октябрь 1917-ноябрь 1927. М.-Л., 1928; Районирование СССР: сборник документов с 1917 по 1925 гг. М.-Л., 1925 и т.д.

2. Систематическое собрание законов РСФСР, действующих на 1 января... // Сборники нормативных актов, издаваемых с 1918 г.

волил соотнести основные направления национальной политики с их региональной спецификой.

Существенная информация, способствующая раскрытию проблемы, содержалась и в материалах периодической печати - журналах, газетах. Значительный пласт данных, характеризующих избирательную активность населения, поло-возрастную, национальную структуру электората области, ее депутатского и партийного корпусов дало изучение статистических сборников федеративного и областного характера.

Раскрытие процесса эволюции идей национальной автономии взаимоотношений горских кругов с войсковой Кубанской Радой и казачеством области, их несостоявшейся консолидации помогло изучение мемуаров одного из виднейших деятелей "белого" движения Юго-Востока России А.И. Деникина.

Обширная группа документов представлена материалами, выявленными в центральных и местных государственных и партийных архивах.

Комплекс источников о деятельности низового советского аппарата и органов верховного самоуправления области содержался в фондах Совета Народных Комиссаров РСФСР, ВЦИК РСФСР, НКВД Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Кубано-Черноморского областного Революционного комитета Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), а также 6 фондах Государственного архива Республики Адыгее (ГАРА). Рассмотрение вопросов взаимоотношений центральных органов власти со структурами автономии, конституирование обратной связи последней через институт национального представительства, оказание материально-организационной поддержки национальному образованию велось на основе изучения отчетных форм деятельности и деловых органов власти различных уровней, находящихся в фондах Народного Комиссариата по делам национальностей, Совета Министров РСФСР, Комитета по просвещению национальных меньшинств РСФСР филиала Государственного архива Российской Федерации (бывшем ЦГА РСФСР), Кубано-Черноморского областного отдела управления Государственного архива Краснодарского края, Экономического совещания Госу-

дарственного архива Республики Адыгея. Значительный пласт статистического материала по национальному составу области, его районному распределению содержался в фондах волостных, аульских, станичных исполнительных комитетов, аульских обществ ГАРА, областного отдела народного образования и управления Кубано-Черноморской области ГАКК. Неопенимому помощи при исследовании общеполитической обстановки и состояний дел в сфере межнациональных отношений в области оказали материалы заседаний бюро Секретариата ЦК РКП(б), Юго-Восточного и Кавказского бюро, выявленные в соответствующих фондах Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДИ) и его ростовского филиала, сводок Кубчерчека, - Центрального Государственного архива Советской Армии (ЦГАСА). Фактическому воссозданию процесса административно-территориальных преобразований области способствовала проработка документов Административных комиссий и Комиссий по районированию, представленных фондами центрального (ГАРФ) и местных архивов. Следует отметить, что ряд документов вводится в научный оборот впервые.

Научная новизна диссертации определяется тем, что данное исследование является первой в отечественной историографии попыткой комплексного рассмотрения положения Адыгеи в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе в 1920-24 гг. оквозь призму взаимоотношений с центральными органами власти, выступавшими организующим началом национальной государственности. Предложенный, несколько отличный от традиционного, гипотетический вариант обобщенно-концептуального обоснования национальной политики советского режима, позволил вычленил не только региональную специфику организационного оформления государственности, но и стадийно исследовать институализацию взаимоотношений "национализм"- "советская власть", нашедших реальное воплощение в различных оттенках автономизма.

Практическая значимость. Выбор проблемы исследования, уровень рационально-временной локализации дает возможность моделирования современного процесса самоопределения бесста-

тусных этнических групп и национально-государственных образований, поиска форм наиболее эффективного межнационального взаимодействия на примере ретроспективного осмысления аналогичных процессов 20-х годов. Изложенный в диссертации материал также может быть использован и для составления лекционных курсов, учебных пособий, исследований по истории России, Северного Кавказа.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Группы по истории национальных отношений и межэтнических контактов Института российской истории РАН. Основные положения исследования нашли отражение в материалах научной конференции и публикациях автора.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили метод теоретического анархизма, эклектический символизм которого избрал: ситуацию ролевого конфликта, предложенную Н.Смелзером, гипотезы "да/нет", противоречащую логико-обоснованным и общепринятым фактам, системный анализ и концептуальные разработки Л.Н.Гумалева.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется актуальность темы, формулируются цели и задачи, обосновываются методологические принципы работы, дается анализ использованного комплекса источников и литературы.

Первая глава - "Национальный вопрос в советской системе" - состоит из двух параграфов. В первом параграфе "Национально-колониальное" наследие царизма: характеристика опыта регулирования национальных отношений" отмечается необходимость исследования угнетенческой деятельности предшествующего режима по локализации национализма на государственно-юридическом уровне. Выявленные особенности социально-экономической эволюции адыгских народов Кубанской области

в конце XIX - начале XX вв., специфики взаимоотношений отдельных групп¹ с метрополией, - наличие более интенсивных и продолжительных контактов с Россией "аристократических" племен, близких к ней по экономическому уровню развития, - позволили, с одной стороны, уяснить зависимость административной политики от "производственного" состояния Северо-Кавказского региона, с другой, более корректно отнестись к устоявшемуся в отечественной историографии положению о сохранении экономики горских народов "в известной степени колониального облика"² и дифференцированно подойти к определению стадий колониальности. Так преобладание, или по крайней мере, самодавление, феодально-патриархального уклада в экономической системе предреволюционного типа адыгских народов является скорее следствием естественно-исторического развития, нежели злонамеренной направленностью политики центра, стремящегося удержать национальные окраины в ранге сырьевого придатка.

Созданием Кавказского наместничества (5 мая 1785 г.) положено начало введению российской системы управления на Северном Кавказе. Исследователями отмечается факт постепенности, осторожности, учета местных особенностей при разработке различных проектов управления краем. Проводимые реформы ускоряли процессы внутреннего сближения, устраняли экономическую разобщенность народов Северного Кавказа, уменьшали пестроту административного деления и управления. С упразднением должности наместника, пользовавшегося известной самостоятельностью, с 1882 г. начинается новый этап взаимоотношений с метрополией. Переход краевого управления в

1 К западной или абхазо-адыгской группе яфетических народов Северного Кавказа относят кабардинцев, черкесов и собственно адыгов. Последние подразделяются на: восточно-прикубанские или "аристократические группы" (беленеццы, бжедужи, хатукаевцы) и западно-прикубанские или демократические (натухаевцы, шалсуты, абадзехи, убыхи).

2 История народов Северного Кавказа (конец XVIII - 1917 г.). М., 1988. С. 384.

полное подчинение центральной власти, изъятие горских дел из компетенции Министерства Внутренних дел и передача в военное-казацкое ведомство Военного Министерства возрождали черты военного управления. Указом от 21 марта 1882 г. "Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом" у горских народов окончательно упразднились элементы гражданского управления. Однако новая административная система все же гарантировала элементарные политические права "местным" народностям в системе вассалитета.

Относительно мирный период "культурно-автономистских" настроений российских национальностей эпохи первой русской революции под воздействием "Положения о выборах" от 3 июня 1907 г., лишившего надежд на удовлетворение минимума желаний в мирном порядке, мировая война усилили сепаратистские тенденции окраин. Однако явно обозначившегося стремления к выходу из состава империи не наблюдалось.

Неопределенность "национальных ощущений" получила не менее "неопределенное отражение в законодательных проектах Временного правительства по выработке государственного устройства страны. Практика значительно опережала "законотворческое" оформление и поиски форм организации: усилились автономистские и федералистские тенденции, места настойчиво диктовали центру свои условия. Аналогичные процессы происходили и в Кубанской области, осложненные многонациональным, поликонфессиональным и, в основном, сельским составом населения, разделяемого на казаков, инородных и горцев.

Горские (адыгские) националисты, ратовавшие за получение самоуправления и внутренней автономии, всецело поддерживали органы Временного правительства и Кубанскую Радю, не раз подчеркивая отсутствие какого-либо стремления к особому краю выделению. Как правило, "национальные" требования ограничивались открытием школ, обучением на родном языке.

Период активного сотрудничества с Кубанской Радой, войдя в противоречие с лозунгами "единой и неделимой, самостоятельной Кубанью", сменился ориентацией на национальные

круги Северного Кавказа. Кратковременность существования Советской власти в области¹, март 1917 - январь 1918, не оставило заметных следов в деле разрешения национального вопроса.

"Белый этап" в истории Кубани, обостривший "казацкий социализм" и самостийность, окончательно предопределили позицию адигских национальных кругов в выборе национально-региональной и политической ориентации. Слабость северо-кавказских "национально-сепаратистских" сил, существенно подорванных войной и внутренними распрями, политическая индифферентность населения горских аулов, протурецкая ориентация националистических групп, ненаходившая поддержки в толще горского сознания фактически оставили идеи автономного самоуправления в эмбриональном состоянии.

Реконструкция модели решения национального вопроса² советским режимом, концептуально-практические формы и методы ликвидации "национально-колониального" наследия составили предмет исследования второго параграфа - "Концептуальное видение и методы решения национального вопроса советским режимом". В интернационалистской доктрине большевизма национальный вопрос являлся частью общего вопроса о преобразовании существующего строя. Порожденный неравенством наций, выраженный в основном социальным и экономическим недовольством, национальный вопрос в большевистском понимании, в ко-

I В территориальном отношении до 1920 г., за исключением нескольких месяцев 1918 г. Кубанская область и Черноморская губерния представляли собой самостоятельные административные единицы. В 1920 г. 6 отделов Кубанской области (Ейский, Таманский, Екатеринодарский, Лабинский, Майкопский, Баталпашинский) и 3 округа Черноморской губернии (Новороссийский, Туапсинский и Сочинский), за вычетом крайней юго-восточной части Гагринского района, отшедшего Грузии, были объединены в Кубано-Черноморскую область.

2 В рамках Российской империи национальный вопрос сводился к правовому обеспечению положения национальностей в смысле вассалитета.

нечном итоге, овелся к равномерному распределению производительных процессов по всей территории, подтягиванию сельскохозяйственных наций до уровня промышленных. Важная роль в этом процессе отводилась праву на самоопределение, которое могло бы ускорить социальное расслоение многочисленного нерусского населения, поэтому предоставление самостоятельности во многих случаях форсировалось центром. Жестко детерминированный целесообразностью пролетарских интересов, принцип самоопределения предусматривал в перспективе создание советских национальных образований, зависимых от одного российского центра. Декларативным провозглашением и закреплением в конституционном порядке в качестве наиболее целесообразного метода "постепенного вовлечения трудящихся в орбиту государственного управления" территориальную автономию потенциально подготавливалась почва национальному сепаратизму. Исследования советских правоведов 20-х гг. в области государственно-правовых форм решения национального вопроса едины в чрезвычайной условности возможностей автономии, обладающей юридическим бытием до тех пор пока она признается вышестоящим органом власти и чья юрисдикция может быть сужена или уничтожена в любой момент.

Правоведы отметили трудность и оригинальность первых двух лет революции: не национальные окраины обращали к центральной власти требования свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал их созывать свои учредительные съезды Советов, организовываться в своих территориальных границах и в зависимости от революционных возможностей той или иной нации устанавливать соответствующие формы развития (эта функция закреплялась за центром). Любопытно отметить, что в отношении довольно-таки многочисленных народов советской власти приходилось выполнять несколько необычную функцию: оказывать помощь в оформлении отдельных племен в нации. Различные ступени автономизма и федерализма должны олицетворять собой практическое воплощение в жизнь идеи Советов, советской формы самоопределения. Анализ союзного законодательства показал сравнительную незначительность разработок

правового положения автономной области¹, которое легче поддается обрисовке негативными, чем позитивными чертами и до принятия Конституции 1924 г. остается "национальной губернией". Отвергнув принцип "культурной автономии" как наиболее соответствующий наследию предыдущего строя, новое государство уже на заре своего существования не только проигнорировало оптимальный вариант решения национального вопроса, но и заложило основу постоянных конфликтов в этой сфере. Большевики, отождествив решение национального вопроса с социально-экономической реформой, в большей степени искусственно воссоздал у фактически ассимилировавшейся массы но-русских народностей с единым критерием идентификации на уровне российского подданства национальный вопрос с целью "завоевания сочувствия и поддержки угнетенных народов русскому пролетариату...", "без чего невозможно было бы упрочить Советскую власть, насадить действительный интернационализм"².

Вторая глава - "Оформление национальной государственности адыгских народов Кубанской области (первая половина 20-х годов)" - состоит из трех параграфов и посвящена рассмотрению процесса институирования верховного и низового аппаратов управления автономии, выработки механизма взаимодействия с центральными (областными, краевыми, республиканскими) органами власти. Первый параграф - "Социально-экономическое положение адыгских народов Кубанской области". В общей структуре социальных и национальных отношений на Северном Кавказе³ Кубанской области принадлежало особое мес-

1 Трактующий как "национальная губерния" или национально-территориальное образование, выделенное из одной или нескольких губерний (Магеровский Д.А. Указ. соч. С. 16), или "выделенные на национальных началах административные единицы, утвержденные центральной властью" (Турубинер А.М. Указ. соч. С. 46).

2 Сталин И.В. Об основах ленинизма // Сочинения. Т.6.С.146.

3 где национальный вопрос, помимо советского строительства, являлся к аграрным преобразованиям в пользу 95% "насил-ственно обезземеленной" горской бедноты.

то: наличие многочисленного казачьего населения, абсолютное преобладание в количественном отношении иногородних, в то время как горские народы составляли менее 5% от всего числа жителей области. Отличающаяся высоким процентным уровнем пригодной для обработки земли (80% от общей площади в 90 тыс. км²) область не ощущала резко смещенных "национальных" акцентов в распределении земельного фонда между представителями основных групп населения. Факты национальной розни, происходившие все-таки на почве землепользования, своим источником имели необеспеченность земельным фондом, по сравнению с черкесским, русской части населения, чья малообеспеченность являлась результатом дореволюционного порядка пользования землей. Проблема урегулирования земельных отношений в Кубанской области соответствовала установлению точных административных границ землепользования между черкесскими и русскими населенными пунктами, чем и отличалась от общей северо-кавказской тенденции по перекройке земель в пользу горского населения. Основные формы дореволюционной "промышленности" адыгов были представлены 5 ценовыми "предприятиями" по переработке сельскохозяйственной продукции (мукомольная, маслобойная), лесопильным производством, обслуживавшим местные нужды, ткацким кустарным производством шерстяных изделий.

Своеобразие развития пролетарской революции в области заключалось в общем то, в целом, нейтральной позиции горцев. Первый, восстановительный период советской власти пришелся на апрель-май месяцы 1920 г. и отличался, по мнению его исполнителей, "удивительной мягкостью". Однако неоправдавшиеся ожидания по возвращению когута-то отрезанных нарезким правительством пртвыг земель, оказавшихся захваченными "пришлым элементом", обозначившиеся серьезные трения между местными ревкомами, исполкомами и органами Чрезвычайной комиссии, преобладание стихийности, расхлябанности в работе органов власти, повальные обыски в аулах, производившиеся от имени советских служб предопределили массовый отток и растущее недоверие к Советской власти черкесского на-

селения. В свою очередь, органы Советской власти осуществили своеобразный переход ко второму этапу упрочения позиций. Принимались жесточайшие и беспощадные меры к уничтожению контрреволюционных настроений: так в качестве меры по предотвращению поголовного восстания были подвергнуты сожжению ряд станиц. Оглушенное мощными репрессиями и втянутое в процесс политической борьбы, горское население Кубанской области логикой развития хода событий было подведено к поиску эффективных мер по защите от "чрезмерной" советизации, что и нашло отражение в кампании за получение автономного статуса.

Второй параграф - "Становление национальной государственности и советское строительство у адыгских народов", - посвящен рассмотрению начавшегося с середины 1920 г. процесса активизации национально-государственного строительства, имевшего основой юридическое закрепление различных оттенков независимости, выработанных в период распада империи и откорректированных событиями Гражданской войны, организацией тесной связи с центром национальных окраин для окончательной победы и укрепления завоеваний Октября.

Существовавшие тенденции к обретению самостоятельности на различных этапах советизации вызывались неоднозначными побудительными мотивами, являясь, в ряде случаев, прямой проекцией на форсирование этого процесса центром. Совмещение разноразличных устремлений в системе "центр-места" зачастую приводило к возникновению химерических образований, факт наличия и необходимость деятельности которых едва ли диктовались логикой здравого смысла и имели рациональное объяснение. В этом отношении весьма характерен опыт поэтапного оформления государственности адыгских народов Кубано-Черноморской области¹. Строительство главных органов самоуправления прошло несколько стадий: Мусульманская секция при под-

¹ К моменту осуществления советского строительства горское население Кубано-Черноморской области проживало в Екатеринодарском (31 аул), Майкопском (13 аулов) отделах и Туапсинском округе (9 аулов).

отделе по национальным делам отдела Управления Кубано-Черноморского революционного комитета, Горская секция, Горский отделский революционный комитет с непосредственным подчинением Кубано-Черноморскому Областному комитету и Горский исполком Кубани и Черноморья с подчинением Областному исполнительному комитету в делах общеполитических, административных, экономических, в вопросах "специфически горско-мусульманских" - органам Советской республики. Непосредственная подчиненность Кубчерревкому, отсутствие разграниченности сфер компетенции, нарастающие административная опека области, трения по вопросам адаптации советских учреждений к специфике местных условий, усиливаемые неразработанностью подобных вопросов общероссийским законодательством порождали местнический сепаратизм и предопределяли недолговечность создаваемых властных структур. Решение о вербальном повышении статуса органов верховного самоуправления, как правило, диктовались стремлением нейтрализовать проявляющиеся тенденции антисоветизма путем обыкновенной ротации кадров (Кубано-Черноморский комитет) и "низовым" желанием получения самостоятельности в горских вопросах. Результатом чего и являлись подобные компромиссные организации. Длительное и безуспешное противостояние области и национальных структур, в конечном итоге, подвело к взаимному осознанию насущной необходимости выделения горского населения в автономную административно-территориальную единицу. 27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области. Неопределенность на момент выделения области твердой границы, основанной на принципах экономического и административного тяготения к Адиге тех или иных населенных пунктов, отсутствие законодательно регламентированного положения об автономной области открывали новую страницу перепитий на пути установления стабильности местной власти. Предоставленная автономия, как и предшествующие этапы оформления государственности, являла собой вынужденное компромиссное образование в системе "национализм - советская власть" и призвана была связать более прочными

узами население с центром, советской властью и временно приостановить нарастающий сепаратизм (находящий выражение в тенденциях к территориальной консолидации адыгских народов — черкесов, кабардинцев — под лозунгами независимой Северо-Кавказской Республики).

Параллельно с конституированием верховных органов национального самоуправления шел процесс строительства и разветвления низового административного аппарата. Хаотичность, непоследовательность работы "верховного" аппарата не могли не отразиться на общем состоянии мест. Сохраняющаяся неблагополучность экономической и политической ситуации накладывали на любые формы власти черты и методы "чрезвычайщины", что существенно снижало ее авторитет. Повсеместное отношение населения к аульским и волостным исполкомам и Советам характеризовалось как недоверчивое. Со стороны работников аульских органов наблюдалось отсутствие желания разобраться с духом советского строительства, оказать должное содействие командируемым на места работникам Горского исполкома. Организационные формы и направление деятельности низового аппарата власти жестко детерминировались изменениями социально-экономического и политического характера: восстановление полновластия, работоспособности осуществлялось путем перевыборов (фактического назначения вышестоящими инстанциями), замены, особенно в периоды проведения сборов продналога, разверстки, посевных кампаний, Советов ревкомами. Избирательные кампании 1921—1924 гг. прошли под лозунгами организации и укрепления низовых органов советской власти, придания гибкости управленческому аппарату, широкой самостоятельности и самостоятельности местам. Выборы в аульские советы, волостные комитеты несли отпечаток нарушения выборных инструкций, "опысное" заседание кандидатов. Достижимый кратковременный эффект "лояльного отношения населения к власти", как правило, представлял собой результат предварительных чисток. К концу 1924 г. политическое состояние области оценивалось как очаг панисламистской контрреволюции, деятельность соворганов как ненадежная, "засилье

в них неработоспособного элемента", состоятельных середняков и бедняков.

Проведенный анализ источникового материала позволяет рассматривать обозначенный период советского строительства как процесс спорадических попыток внедрения не столько организационных структур власти, сколько самой идеи Советов в толщу горского сознания, внести новые акценты в понимание приобретения полновластия и роста авторитета местных структур среди населения, отказаться от мертвяще одномерной схемы "безусловного" блага, принесенным национальным окраинам советской формой организации власти.

Третий параграф — "Формы межнациональных связей адыгских народов". Проблемы финансово-экономического, организационно-правового и идейно-политического обеспечения деятельности, октроированность административно-территориальной структуры, а также концептуальное видение режимом места национальных единиц в обеспечении государственной стабильности выдвинули в качестве основного жизнеобеспечивающего параметра создаваемых автономий налаженность и устойчивость связи между центром и национальными регионами. Специфика территориальной расположенности области накладывала характерный отпечаток на выработку горизонтально-вертикального типа связи адыгов, структурировавшуюся в схему:

Адыгейская автономная область	————	Кубано-Черноморская область
	↓	Юго-Восточная область (Северо-Кавказский край).
Российская Федерация		

Одним из наиболее продуктивных типов взаимосвязей становятся учрежденные при Наркомнаце с 1920 г. отделы автономных и республиканских образований (представительства) и соответствующие представительства (институт уполномоченных Центра) Наркомнаца в этих образованиях. Являясь формой организационных, экономических взаимоотношений с центром Российской Федерации, представительства вносили существенный вклад в реализацию советского строительства, однако, не всегда учитывали тяжесть экономического положения государ-

ства, предъявляли чрезмерные требования по снабжению своих автономий. Так функционирование созданного в конце 1922 г. представительства Адыгейской автономной области было направлено на изыскание денежных средств для областных отделов, постановку и решение ряда вопросов, связанных с финансово-кредитной поддержкой области, урегулирование территориальных и материально-технических проблем с Кубано-Черноморской областью.

Неоднозначно складывались отношения и с соседней Кубано-Черноморской областью, осложняемые отсутствием твердых границ, решением вопросов территориальной принадлежности "спорных" населенных пунктов. Несмотря на столь негативный фон, существовали попытки налаживания организационных форм общинного представительства. В составе Горского исполкома работали члены Кубано-Черноморского (Толмачев, Аболин, Черный), в Кубано-Черноморском - С. Заема, К. Мишуриев. Не оставались без внимания и вопросы установления связей с горскими народами Северного Кавказа. Практиковался обмен информацией по национальной политике с Горской Республикой, Терской областью, осуществлялись поездки на съезды. В 1924 г. в связи с образованием Юго-Восточной области система представительства претерпевает изменения. Учреждается дополнительное промежуточное звено (в целях согласования интересов области с находящимися на ее территории автономиями и республиками) Национальный Совет при Краевом исполнительном комитете. С одной стороны, подобный принцип организации позволял координировать усилия на краевом уровне по содействию экономического, культурного развития национальностей, с другой, - не мог не вызывать раздражение автономий, видевших до сих пор в прямом сношении с центром единственное спасение, возможность достижения признания и удовлетворения некоторых требований.

Третья глава - "Национальные отношения адыгских народов в условиях новой экономической политики" состоит из двух параграфов. Первый - "Социально-национальный фактор в условиях новых экономических отношений".

Волнообразные веяния новой экономической политики, призванной выработать механизм самоорганизации разнородных революционных потоков и найти равноденствующий фактор между крестьянским менталитетом страны и индустриальным вызовом мира, неизбежно вносили коррективы и в составляющие общественной системы. Обозначенная X съездом РКП(б) жесткая тенденция к централизации как в областях партийной работы, так и экономической сфере с созданием единого народнохозяйственного комплекса, затрагивала и вопросы национально-государственной политики. В условиях непа национальному фактору отводилась роль одного из ферментов интернационализации способов производства, с перспективой хозяйственного объединения народов и постепенного объединения "громоздких территорий в одно связанное целое". Вопросы интеграционного объединения и укрепления хозяйственных связей, создания единого экономического пространства нашли практическое воплощение в разработке нового административного деления страны. Задачи районирования сводились к выделению в виде района некоторой своеобразной, экономически законченной, но не замкнутой, территории с определенной комбинацией природных особенностей, капитальных ценностей и производственного потенциала для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны. Одновременно ставились задачи сокращения и упрощения весьма разросшегося низового аппарата, сокращения числа волостей, "улучшение качества" административных работников. Однако новое административно-территориальное устройство не разворачивалось в трехмерном пространстве власти (исполнительном, законодательном, судебном) общество, а сводилось в каждом конкретном случае либо к нарезке территории, либо к созданию системы районов с функционированием одной исполнительной власти.

Наиболее сложным оказался процесс выработки принципов районирования Юго-Востока России, чьи составляющие резко диссонировали между собой в экономическом, политическом и культурном отношениях. Весь смысл проведения реформирования в данном регионе сводился к размыканию и ликвидации "тупиков"

госгранного" ядубка противоречий и объединению всего населения под властью Советов. В диссертации анализируются различные проекты районирования Иго-Востока, выделенного наряду с Уралом в качестве опытного региона. Разработка основополагающих принципов и проведение административно-хозяйственного реформирования, сопровождающегося территориальными изменениями, пожалуй, стало одной из немногих попыток правящего режима отказаться от увязки решения национального вопроса с территориальным. Экономические интересы должны были превалять над национальными моментами: при включении хозяйственной единицы национальный состав населения практически не учитывался. Тем не менее, поиск эффективных форм экономической интеграции и административного объединения, помимо правового аспекта урегулирования составляющих, неизбежно ставил и территориальные проблемы. Найденный механизм временного сдерживания национализма суждался в постоянном совершенствовании.

Новый этап в развитии страны не мог не затронуть и Адыгейскую автономную область. Рассмотрению выработки и осуществления принципов административно-территориального и хозяйственного устройства посвящен заключительный параграф главы "Административно-территориальное устройство адыгских народов - поисков упрочения межнациональных связей". Выделенная на правах самостоятельной административно-территориальной единицы из состава Кубано-Черноморской области автономия подразделялась на 3 округа и 42 волости. При учреждении и в начале своей деятельности перед первыми органами власти встала трудноразрешимая задача создания почти на пустом месте такого административного деления, которое будущи способным к проведению всех правительственных мероприятий было бы удобно и недорог для населения, позволяло бы поддерживать тесную связь с центром. на протяжении 1922-1923 гг. шел процесс интенсивного укрупнения волостей из расчета "территория - удобства управления", стихийной ликвидации сельских советов. Промежуточные варианты окружной системы сменились к концу 1924 г. районной, был улучшен и

удешевлен аппарат управления, разукрупнены сельские советы. Однако не могла не настораживать обозначившаяся тенденция преобладания коренной национальности в созданных районах, подкрепляемая официально провозглашенным курсом на "национализацию" советского аппарата власти. Весьма симптоматично, что при численном преобладании автохтонного населения выборы в местные органы власти проводились под лозунгами проведения "своих", когда русские часто не допускались к участию в голосовании, порой получая далеко не безобидные требования "убраться из аулов". Одновременно с административным переустройством предпринимались меры по достижению территориальной целостности и стабильности области. Практика передачи юртовых и наделных земель аулов соседним селам и станциям в периоды посевных кампаний 1921-1922 гг. во временное пользование и последовавшее за этим фактическое закрепление "чужих земель", произвольные формы выделения территорий с компактным проживанием черкесского населения и нарушающиеся традиции тяготения тех или иных пунктов к Кубано-Черноморской области при образовании адыгской автономии, открывали длительный тягостный период в отношениях областей. Наряду с внутренней "территориальной" консолидацией поднимались и вопросы внешней этнической целостности районов основного проживания адыгов: Армавирского отдела Кубано-Черноморской области, Туапсинско-Сочинского Черноморского округа (губернии) и Баталпашинского отдела, первоначально находящегося под юрисдикцией Кубано-Черноморья. Отсутствие общей границы с областью, экономическое тяготение к Кубано-Черноморской области Армавирского отдела, самостоятельное административно-территориальное оформление аулов Баталпашинского отдела в рамках Гррачаево-Черкесской области (начала примкнувших к Терской республике), стратегическое положение шапсутского народа, занимавшего Черноморское побережье, боязнь возможности выхода из-под контроля советской власти подобного укрупненного образования оставили этот вопрос открытым, то есть в том же состоянии. Проведенное районирование области положило начало стихийному размеже-

ванию по национальному признаку: многочисленные ходатайства и взаимные земельные претензии были направлены на закрепление "русского" населения за Кубано-Черноморской областью, "черкесского" - за Адыгейской автономией, что едва ли способствовало упрочению межнациональных связей народов. Теоретически призванный уступить место экономическим проблемам национальный фактор отановился ведущим в определении жизненных перспектив области. Причем, что вполне закономерно, эти перспективы принимали явно "черкесскую" направленность, чему в общем-то и способствовали исторически сложившиеся обстоятельства.

В заключении формулируются общие выводы исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях:

1. Национальные проблемы российских автономий 1988-1990 гг. (в соавторстве с Бугаев Н.Ф., Куджиной М.М.). // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). / Сборник статей. Майкоп, 1992.
2. Горские народы Кубанской области: "большевистская" модель решения национального вопроса. // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). / Сборник статей. Майкоп, 1992.
3. "Большевистская" модель решения национального вопроса на примере горских народов Кубанской области. // Материалы научной конференции ученых Института истории СССР АН СССР и Московского университета им. М.В.Ломоносова: Национальные отношения в СССР: проблемы историографии. / Депонирована ИНИОН РАН 30.12.92, № 47503/.
4. "Национально-колониальное" наследие царизма: к характеристике опыта регулирования национальных отношений. // Сборник статей по истории путей аспирантов и соискателей. (В производстве).

Подписано в печать 199 г.
Заказ № 7 Тираж 100 экз.

Участок оперативной полиграфии
Института истории СССР АН СССР
Москва, ул.Дмитрия Ульянова, 19.